

Виктор ІВАНІВ

ПАСИФИК И БИЦИКЛЕТ

Подготовка текста и комментарий Алексея Дьячкова

Бициклет был на спичечном коробке, он стоял на облаке, как печать на треугольном едком синем и емком небе, из которого выступал на один шаг, казалось, остановившийся ездок; коробок пролежал на подоконнике несколько лет, и стал от этого пепельным.

На него смотрел Пасифик, Анхель Пасифик¹, сын собачника. На самом деле он был никакой не Анхель, звали его Виталиком, и то не по отцу. Сейчас он проводил пальцем по коробке, как будто бы чистил зубы тишине; в коробке был муравей, и Анхель вслушивался в его шаги.

Сколько лет он просидел в своей комнате? Так же долго, сколько нужно ребенку, чтобы дорости до подоконника и выглянуть в окно. В квартире прошли уже три или четыре перестановки, и Анхель, бывало, брал две вещи, такие как тапки или пирожки на ножках, но встать и выйти никак не мог, потому что не находил пары той вещи в результате всех мебельных передвижек. Клетка в его груди не была завешана черным бархатом, и там жил попугай, которого Анхель не прочь был выменять на дрозда или скворца; Пасифик был имбецил.

Как он поднимался в подъезде, он не помнит, окно на каждом этаже казалось ему на руках у рабочих. Он просыпался утром и жмурил глаза – в них была пена и салют, завитое завтрашнее солнце. И против него ходили рабочие, как на сцене. Они никогда не склонялись над его окном, иначе бы он отгонял их палкой. Во дворе была сирень, которую было видно с темных первых ступенек. Дверь открылась. Они вышли с бабушкой, но бабушку тогда зарезали. Он много раз тыкал пальцем в живот и говорил таким образом «ты» разным знакомым. В фиолетовом подъезде. А теперь поблеклом.

Не может быть, чтобы бабушка попала в пекло из прозрачного прохладного подъезда, где отдых глазам. Они с кем-то сидели в комнате, затемняя ее одеялом в красно-черный квадрат, и печатали, и печатали под красным фонарем фотографии, фотографии которые потом выходили серыми и косоглазыми; а увеличитель был до потолка, как будто на нем сидела ворона, они

¹ Этим же именем назван и персонаж миниатюры В. Іваніва «Майская пыль» (2005): «Он придумал ей имя Анхель Пасифик, по имени самого большого океана и тысячеметрового водопада». См.: Іванів В. Дневник наблюдений. М.: Книжное обозрение (АРГО-РИСК), 2011, с. 42 (Примечание А.Д.).

Виктор Іванів (Виктор Германович Иванов) родился 11 апреля 1977 года в Новосибирске, трагически погиб 25 февраля 2015 года. Автор нескольких книг стихов и прозы. Лауреат Премии Андрея Белого (2012). Публикации в «Волге»: «Тетрактисные пения» (2013, № 3-4, рец. на книгу Наталии Черных «Из писем заложника»), «Петли шарфа» (2013, № 5-6, рец. на книгу Сергея Соколовского «Гипноглиф»), «Прыжки головковникого когито» (2013, № 9-10, рец. на книгу Дениса Ларионова «Смерть студента»), «Остановка Апокалипсиса» (2014, № 1-2, рец. на книгу Алексея А. Шепелёва «Настоящая любовь»), «Челенджер II» (2014, № 5-6, стихи), «Конец Покемаря» (2014, № 7-8, повесть), «Два стихотворения из письма» (Подготовка текста и комментарий Алексея Дьячкова и Елены Горшковой; 2018, № 5-6).

запирались в квартире, где в серванте под вилками лежали запрещенные фотографии, на которых семья убивалась то над одним гробом, то над другим, которые попадались всегда там, когда ищешь как бы спрятанные подарки, выгаливающие особую пустоту, эдакие плавающие в воде коробки от торта; а натыкаешься на эти черные рогатые воздушные мины. На прямой стояли белые памятники под солнцем, которое доходило до пяток, но не могло найти покорной души, белые дома, как сургучные печати во время долгой дороги мимо стен чужого города с очкастыми портретами в пятнах.

Анхель вышел в коридор, со свойственным ему рыбьим витализмом, который качал его на волнах и удерживал прямо, но одна точка – центр рыбьего тяготения, всегда оставалась погруженной, именно ее всегда хотят выклевать птицы. Через обитую черным дверь подул холодом. Пасифик, словно бы не помня, проснулся от собственного пульса и стал слушать шаги на лестнице. Он даже открыл дверь, чтобы лучше было слышно, но не решился свеситься с перил. Он закрыл дверь. Шаги поднимались до третьего этажа со звуком ключа, но Виталик стал слушать, как шопотом поднимаются тени шагов, которых уже и след простыл, так легко они улетали вверх.

Лежа на кровати, он видел каждую точку воздуха, думая, что это молекулы. Однажды он разговаривал с кем-то о звездах и спросил: а правда, что они ростом с меня растопыренного? Крошки для голубей никогда так глубоко не западали в землю, как они, и уж точно учительской указкой можно было на них указать. Как веснушки плаксивого малыша, с гримасой пристально смотрящего на вас.

Виталику почудилось, что на ступеньках подъезда происходит собрание, дядьки в брюках стоят в пролетах, пьяные с облезлыми рожами, в которых их видно ребенками, прячущимися за узлами; все образуют как бы кулек конфет: дедушка в шляпе, отец среди хмурых, как «мессершмитты», немцев с вантусами, старые феодалы с гладким брюшком, никто из них не на пенсии, но все гораздо старше, а внизу женщины, учительница музыки, которая заставляла снять колготки на плохой репетиции перед утренником, председательница кооператива, ставившая его на колени. В общем, герои не фантастические, а так, буки из тех, кого он пугался на улицах. И ныне и присно и во веки веков. Мама.

И Виталику приснился сон: он едет на бицикле с близкого расстояния ко всем предметам: пингвинам, клумбам, близко к урнам; едет по карте: сперва озеро, дальше одна длинная прямая улица и дом боком. Конечно, это не Иисус Христос нарисовал ее на земле. Никого нет, только мелкие птицы и собаки, которые замирают, когда он до них доезжает. Потом он едет между витрин длинного продолговатого магазина и смотрит в витрину: ему видно отражение рубля на асфальте, но лучи не проникают дальше стекла; но происходит небольшая примесь ко сну, подергивающая, и он уже едет в толпе платьев женщин на вешалках, а потом уже среди самих платьев чайных кукол, все спешат и не смотрят на него, раскачиваются, как занавес, попавший под колесо. Ехать все труднее, и вот он утопает в них, как в снегу.

Перед ним сидит Понтифик Бенджамин, с болезненным лицом и большой шипицей на щеке. Потом оказывается, что можно видеть только его бежевые колени или спину или шею, в то время как остальные части тонут во сне. Он едет в троллейбусе-корабле. Вокруг безжизненные жильцы, раненные в бинтах, первоклассницы, на головы которых по очереди садится красный бант, поэты со слезящимися глазами и одухотворенным взором – на всех следы насилия, но нет большинства. Виталику не страшно – он сравнялся с ними.

Waltzing Matilda is going by silent Pacific.

Анхель никогда не мог спать. Если рядом не было мамы. «Мама, посиди со мной», – говорил он.

Комментарий

В архиве писателя сохранилась первая страница беловой рукописи рассказа с небольшой правкой теми же черными чернилами, что и основной слой, содержащая заглавие и текст до первого предложения 7-го абзаца включительно. Правка, вероятно, вносилась при перебеливании текста с неизвестного черновика, отменяя инерционные вписывания или компенсируя нечаянные пропуски, а в случае зачеркивания имени Виталик и его замены на Анхель в начале 6-го абзаца, правка, возможно, мотивирована желанием избежать паронимии со следующим далее в предложении «витализмом». Единственный источник, содержащий полный текст рассказа – сохранившийся в личном архиве Дмитрия Кузьмина файл *Iv pereczen` .doc* (17.12.1999 11:06) со сводом «Перечень текстов» 1999 г. В свode 20 произведений Виктора Іваніва отсортированы по жанрам (стихотворения, поэма, проза), при этом 17 стихотворений подборки следуют в хронологическом порядке. Предположительно этот порядок воспроизведен и в расположении относительно друг друга двух прозаических произведений свода. Если это так, то рассказ «Пасифик и Бициклет», следующий в файле за датированной автором 11 февраля 1999 г. повестью «Брезгливость и омерзение», с большой вероятностью написан в интервале с февраля по декабрь 1999 г.

По сравнению с рукописью текст файла содержит ряд разночтений, часть которых может классифицироваться по намерению автора либо затемнить образ, либо наоборот – разъяснить его. Так, из фразы «он стоял на облаке и между колес треугольное едкое синее и емкое небо» в 1-м абзаце рукописи снимается объясняющее видимую треугольность неба «между колес»; в 3-м абзаце, после «пирожков на ножках» убирается сравнение «как Чарли Чаплин, пробовал опереться на них», вероятно, излишне прямо отсылающее к кинематографическому источнику; 4-й абзац – описание установки стеклопакетов в подъезде – «окно каждого этажа выносили перед ним и держали на руках рабочие» – заменяется импрессионистской зарисовкой увиденного – «окно на каждом этаже казалось ему на руках у рабочих»; во фрагменте 5-го абзаца – «фотографии, которые потом выходили серыми, особенно фото кошек» – уточнение про кошек снято; в 6-м абзаце – «шаги поднимались до третьего этажа и ключ открыл дверь» заменяется на менее однозначное «шаги поднимались до третьего этажа со звуком ключа». В 4-м абзаце представлена обратная стилистическая динамика – «завитое до завидного солнце» исправлено на «завитое завтрашнее солнце», в результате чего замечательный буквалистский, но, видимо, не достаточно ясный без «завтрашнего» контекста, эпитет «завидного», утрачивается. Вне предложенной классификации несколько стилистически менее значимых исправлений: «дитя» – «ребенку», «хотел выменять на чижа» – «не прочь был выменять на дрозда», «где» – «на которых», «хоронящейся» – «покорной», а также сокращающая правка в конце 6-го абзаца: в рукописи – «тени шагов, но они уходили проталкивались на крышу. Он мог часами смотреть в глазок от своего страха становясь выше на носки», в тексте файла – «тени шагов, которых уже и след простыл, так легко они улетали вверх».

Максимальной переработке подвергся текст 4-го абзаца рукописи. Ниже приведена его построчная транскрипция, в которой зачеркнутые слова заключены в угловые скобки, а надписанные над строкой – в квадратные:

Как он поднимался в подъезде, не помнит, окно [каждого этажа] выносили перед ним и держали

на руках рабочие. Он просыпался утром и жмурил глаза – в них была пена и салют, завитое до завидного солнце. Во дворе была сирень и темно перед дверью.

Дверь открылась, они вышли с бабушкой, но бабушку тогда зарезали. Он много раз <видел> [дружески] тыкал пальцем в живот маме или говорил таким образом ты. В фиолетовом подъезде, а теперь поблеклом. <В прохл> Не может быть, чтобы бабушка попала в пекло из прозрачного прохладного подъезда, где отдых глазам. Они с кем-то сидели в комнате затемняя ее <клет> одеялом в красно-черную клетку и печатали под красным фонарем фотографии, которые потом выходили серыми, особенно фото кошек, а увеличитель был до потолка, как будто на нем сидела ворона, они запирались в комнате, в квартире, где в серванте под вилками лежали запрещенные фотографии где семья убивалась то над одним гробом то над другим. Он и сейчас думал, что эти фото смотреть нельзя, потому что этого не было. На <белой> прямой стояли [белые] памятники под солнцем, которое доходило до пяток, но не могло найти хоронящейся души, белые дома, как сургучные печати, во время долгой дороги мимо [стены] чужого города с очкастыми портретами в пятнах.

В файле этому фрагменту соответствуют 4-й и 5-й абзацы. Кроме исправлений, отмеченных выше, в их тексты были внесены и ряд других, включая снятие предпоследнего предложения и добавление двух новых (третье и четвертое – в 4-м абзаце), а также почти двукратное распространение и без того многосоставного второго предложения 5-го абзаца

В публикуемом тексте пунктуация приведена к норме, очевидные орфографические ошибки и опечатки исправлены. Также исправлена синтаксическая рассогласованность в 1-м абзаце: «в треугольном едком синем и емким небом». В рукописи этому словосочетанию соответствует номинативная конструкция (см. выше), а рассогласованность текста в файле, возможно – рудимент неизвестного промежуточного источника, в котором небо было «треугольным едким синим и емким». Аграмматическое написание слов «шопотом» (в рукописи – «шепотом») и «указаккой» (соответствие которому в рукописи, если оно было, осталось за пределами сохранившегося фрагмента) сочтено находившимся под контролем автора и оставлено без изменений.